

УДК 94 (47)

Е.В. Годовова*

**ОТНОШЕНИЕ К ШКОЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ В КАЗАЧЬЕЙ СРЕДЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА
(НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАКОВ)****

В статье представлен такой аспект повседневной жизни оренбургских казаков, как школьное образование. Автор отмечает, что, несмотря на увеличение во второй половине XIX века количества школ, отношение оренбургских казаков к школе, учителям, к научному знанию имело двойственный характер: одни видели в этом благо, другие обременение и тягость. О процессе обучения и воспитания в казачьей среде автор повествует с позиции гендерного подхода. Желание девочек учиться в школе очень часто подавляли родители, прежде всего матери, для которых дочери были главными помощницами по хозяйству.

Ключевые слова: оренбургские казаки, повседневная жизнь, образование и воспитание в Оренбургском казачьем войске.

Военные реформы начала XIX века затронули вопрос грамотности в казачьей среде. Первые станичные школы в землях Оренбургского казачьего войска появились в 20-е годы XIX века. В них не существовало никаких сословных ограничений, дети офицеров и рядовых казаков обучались вместе. Но возможности обучать своих детей у подавляющего большинства не было, т. к. слишком высокой оказалось установленная плата.

В 1838 году командующим Оренбургским казачьим войском генерал-майором Н.В. Щуцким были утверждены «Правила о порядке управления школами, в войске Оренбургском учрежденными», которые ясно определили роль казачьих школ — «быть не только рассадником умственного образования подрастающего поколения, но и проводником военного образования в духе казачьих традиций и воинской дисциплины» [1, с. 9]. Теперь учителя должны были не только преподавать учебные дисциплины и проводить военные занятия, но и приучать казаков к опрятности, дисциплине, соблюдению порядков и правил приличия, уважения к старшим [2, с. 140].

Количество школ на протяжении второй половины XIX века увеличивалось, больше людей становилось грамотными, но отношение к школе и к научному знанию в среде оренбургских казаков было различным. В этом плане интересны записи о состоянии школьного образования в Оренбургском казачьем войске учителя Черноречинской поселковой школы Степной станицы, урядника Петра Ивановича Кокарева, сохранившиеся в Личном фонде С.Н. Севастьянова Государственного архива Оренбургской области.

* © Годовова Е.В., 2014

Годовова Елена Викторовна (godovova@mail.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1; кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Академия при Президенте Российской Федерации (Оренбургский филиал), 460000, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Курача, 26.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Оренбургский край — трансграничный и поликультурный регион Российской империи»: научный (академический) сборник документов по истории Оренбургского края в дореволюционный период», проект №12-31-01281/a2.

П.И. Кокарев, отмечает, что многие казаки воспринимали обучение в школе и грамотность в целом как «лишнее обременение да тягость» и недоумевали, почему их детям нравится учиться. Причиной этого они считали, во-первых, постоянное получение новостей от учителя, во-вторых, отсутствие наказаний, которое они воспринимали как проявление слабости со стороны учеников. Свидетельством тому является следующий фрагмент диалога казаков о школе: «Ныне учитель наказывает ученика: «Гриша, ты не достоин быть в школе на один день», или прикажет дежурному ученику: «Васе в поганом листе пять». Гриша и Вася хлоп! Учителю в ноги «— простите!» — говорят». — «Да, слабый народ ныне», — заключили казаки» [3, Л.7 об.].

Успешная работа станичных и поселковых школ, совершенствование учебного процесса всецело зависели от учительского персонала. Формирование же его в Оренбургском казачьем войске происходило крайне сложно и противоречиво.

В «Правилах о порядке управления школами, в войске Оренбургском учрежденными» в 1838 г. указывалось, что в каждой станичной школе с утверждения Войскового правления определяется учитель из урядников и казаков. В населенных пунктах, где не было способных для учительской деятельности лиц, разрешалось иметь учителя вольнонаемного, но только после предварительного испытания его войсковым начальством в знании своего дела и нравственности [4, Л.111 об.]. Срок учительской должности не устанавливался, а увольнение было возможно только с разрешения Войскового правления.

При каждой станичной школе полагалось иметь двух учителей: священника для преподавания Закона Божия и учителя для других предметов. В «законоучители» священник назначался епархиальным архиереем по согласованию с Наказным атаманом преимущественно из священников станичных церквей. Если станичного священника не было, то преподавание Закона Божия поручалось обыкновенному учителю.

Следует отметить, что материальное положение учителей было крайне тяжелым, в течение двадцати семи лет они совсем не получали заработную плату. Вольнонаемные учителя имели право собирать так называемую «ряженую плату», да и то только с людей состоятельных. А учителя войскового сословия обязаны были учить бесплатно, потому что этот труд им засчитывался за действительную службу [5, с. 117]. На протяжении второй половины XIX века заработная плата учителей колебалась и в среднем оставляла 100 рублей. Однако казаки высказывали недовольство относительно платы учителям в летнее время: «Давно говорю, что учитель за лето даром жалованье получает», сетовал один оренбургский казак и поддерживал другого: «Чистое разорение: каждый год подай ему сто двадцать» [3, Л.8].

Петр Иванович Кокарев описал случай, как он просил приходорасходчика общественных поселковых сумм выплатить ему зарплату. Станичный учитель практически год ждал получения жалованья в размере 100 рублей, однако попросил только половину, а на руки ему было выплачено всего двадцать рублей. «Я не настаивал. Денег мне было нужно семьдесят руб.; строил дом — задолжал: взял пятнадцать по 20 %, да 50^м ссудили добрые люди; срок кончился, кредиторы одолевают, а я у казначея чуть не в ногах из-за заслуженного содержания. Честное слово потеряно; авторитет мой пал: на меня в обществе смотрят как на обманщика. Увы, кто бы вступился в такую критическую минуту за учителя, пристрастившегося к школе и любившего всею душою детей родителей, которые не знают цену моего труда?.. Никто! Я сам вступаю: терплю, молчу — будто ничего не знаю о том, что моя жертва без искупления», — пишет П.И. Кокарев.

Хотя абсолютное большинство казачьих учителей было недовольно своим положением, работали они честно и добросовестно, учили детей всему тому, что умели делать сами. Порой трудно было сказать, где для учителя завершалась школьная жизнь и начиналась его собственная. Они были и учителями, и воспитателями. «Мама, мама, дай мне скорее мыльца, я умоюсь», — говорила полупшепотом девочка, припадая к уху [3, Л.12] матери:

«Анюту Филиппову Петр Иванович приказали записать в поганый лист за грязные руки и неумытое лицо; Швецова Илью поставили к косяку за то, что он в валенках по луже прошел, а Мельникова Ваню за шубу, которую он на вешалку не повесил, а сбросил среди пола, тот же Илья и прошел по ней своими мокрыми валенками».

Для учителей станичных и поселковых школ определялся строгий перечень обязанностей. Учитель должен был доступно объяснять материал, избегая употребления иностранных и непонятных слов. Он был обязан вести журнал в алфавитном порядке, отмечать отсутствующих учеников и выставлять оценки. Каждому учителю предписывалось быть ревностным исполнителем возложенных на него обязанностей: «Вразумлять учеников к скорейшему и прочному навыку всего им преподаваемого, основательным истолкованием каждого предмета», при этом особенно подчеркивалась необходимость делать это «с терпением и кротостью, снисходя в особенности к малолетним, потому что неуместною строгостью можно изгнать в ученике готовность к наукам, а скромностью и вежливостью при благоразумии и твердой воле поселить соревнование в учениках» [5, с. 117].

Учитель обязан был на вверенных ему учеников обращать столько внимания, сколько требовал каждый из них. Он должен был стараться, «чтобы дети привыкали чувствовать важность своих настоящих и будущих обязанностей к Богу, царю, поставленным над ними властям, к самому себе и ближним» [4, Л.35]. Своим примером учитель должен был удерживать учеников от проступков и заблуждений, разясняя их сомнения и одобряя все похвальные поступки.

Некоторые же казаки считали хорошим не того учителя, который говорил, что нельзя «отнимать ученика от школы, как невозможно младенца отнять от груди матери», а того, кто ничего не говорил родителям, если ученика месяц не было в школе. «Ну уж этим, старики, учитель плох, — отмечал один из казаков, — доносит начальству, «не посещает, не посещает»; пусть его не посещает, отмечал посещает, да и только; не я учитель: у меня бы все сошло лучше лучшего» [3, Л.8 об.].

Часто детей в школу взрослые просто не пускали.

«— Ты что, Гриша, в школу не ходишь? — спрашивает ученика станичный учитель.

— Меня дедушка не пускает, Петр Иванович, — отвечает мальчик.

— Почему? — спрашивает.

— Он говорит, плети коробки, а то школа вас доведет по миру пойдешь, — отвечает мальчик, с наворачившимися слезами на глазах.

— Афоня, ты что в школу редко ходишь? спрашивает другого ученика учитель.

— Меня мама не пускает, Петр Иванович, — отвечает ученик.

— А отец?

— Он посылает.

— Ну и ходи.

— Да мама говорит, «штобыте» мошеннику остальное-то забыть, — отвечает мальчик» [3, Л.9 об.].

Педагогическая активность станичного учителя была непонятна казакам: зачем хранить тетрадь ученика шесть лет, для чего нужен шкаф под какую-то «калецию»? — недоумевали они.

Однако следует отметить, что не все родители с недоверием относились к школе. «Ну, Коля, — говорит «отец» новичка, провожая его в школу, — «слушайся учителя: он тебе второй отец; надейся — будешь грамотный, как он, — мы будем радоваться» [3, Л.10].

В некоторых семьях с неодобрением к процессу обучения относились представители старшего поколения, а бывало, и наказывали за переизбыток знаний.

Однажды зимой ученики попросили учителя познакомить их с глобусом. Три раза в неделю вечерами десять ребят исправно посещали школу. Занятия продолжались месяц, но после выходных пришло только три ученика. Спросив одного из учеников о причине,

пресекающей уроки, учитель узнал следующее: «На 5^е декабря ночью я читал книгу «Беседы о природе», — начал ученик. Бабушка Шишиха вязала чулок; мама на печи, тятя на полатах, кажись, что спали. Я, зная, что бабушка о читаемом мною не имеет понятия, спросил ее: «Бабушка, ты знаешь, на чем земля наша держится?» — «А на ките» — «А кит?» — «На воде». — «Вода?». — «А на земле, батюшка», — «Это кольцо, помилуй. Я такого объяснения никак не пойму». Не вытерпел. Захохотал. Мама, ворочаясь на печи, говорит: «Ох, Федька, что-то ты мелешь, не переучиться бы». Тятя слез с полатей, взял березину и ну ею меня выхаживать с приговором: «Лишнего научился, сынок, я тебя проучу по-своему! Офицерами хотите все быть! Вот я уже тебя, голубчика, научу!.. Как больше знать старых!» Я клял науку, больно было. Мальчик героически выдержал перед учителем печально-кисленькую минку на своем личике. Учитель же посоветовал при таких случаях быть осторожным со смехом или оставлять смешное без осмеяния» [3, Л.11].

«Какие пошли года, всех в школу», — говорил сам себе семидесятилетний дед, ворочаясь на печи. «Всех моих внучат забрили... Петька в школе, Ванька в школе, Мишка в школе и Наська в школе! Это чистая беда!»

«Чего это ты, батюшка, раскудахтался? — спрашивает его невестка. — «А все в школе, говорю». — «Пусть их учатся, говорит невестка: — Вон ныне за науку-то враз дали школьникам нашей школы три «аттестата» да три похвальных листа». — «Ну, а если твоим, Дуня, пузырям дадут «аттестаты», что же ты, платье себе сошьешь из них что ли?», — допрашивался старик. — «Тебя, батюшка, не вразумишь, — отвечает невестка — «аттестат» школьника — знак, который свидетельствует, что он имеет ум светлее нашего и дорога жизни ему тоже будет шире нашей. Тебе вот не дали?» — спрашивает невестка старика, вопросительно заглядывая ему в глаза. — «Нет, Дуня, я... неграмотный» — «Ну во то-то и есть, что ты неграмотный», — говорит невестка, собираясь пришедшим из школы детям подавать обед. Но, дети, не дождавшись обеда, вновь убежали в школу. «Нет, школа — магнит, ну и бегут в нее, — говорит невестка. — «Хлеб не нужен!.. вот как, а! прежде гнали — не шли, ныне держать не могут, а! Ну, Дуня, пусть их ходят, только про землю-то нашу пусть не городят, что не следует... Земля вертится! Вот дураки-то с ума сходят... Антихристовы времена», — рассуждал старик. — «Будет тебе, батюшка, антихриста-то поминать» — уговаривает невестка. — «Почему же они так утверждают, что конем не собьешь?» — приставал к невестке старик, сделав из глаз грозу... «Земля вертится! А!» — негодовал старик. — «Батюшка! Да коли вертится ныне, что же ты будешь делать? — унимала его невестка. — «Что!?» Я тебе покажу, как земля вертится! Да так покажу, что у меня чертям будет тошно! — старик расхохотался. «Все «англичанкины» выдумки переймут! — введет она нас в грех!» — клокотал старик, беспорядочно махая руками и выводя глаза из орбит [3, Л.12 об.].

Отношение к обучению девочек-казачек в среде оренбургских казаков было еще хуже. Распространенное в первой половине XIX в. мнение выразил один из корреспондентов Русского географического общества: «Родители вообще думают, что девочку не для чего учить грамоте... Ее дело — знать хозяйство» [6, с. 47]. «Почему же вы требуете дочь мою? Она у меня нянчится с малюткой — я без нее как без рук, — плакалась мать учителю. Когда же учитель настоял, чтобы девочку оставили в школе, мать вышла из школы с катившимися слезами на щеках» [3, Л.10].

П.П. Жакмон, сын начальницы Оренбургского девичьего училища II-го разряда, в своих воспоминаниях так описывает воспитанниц этого учебного заведения: «Ученицы, числом до 40, были почти все грубые, невоспитанные казачки, говорившие на «о» и употреблявшие часто в разговоре неприличные слова. Притом все они были невытые, грязные, и у многих из них на белье и в волосах водилось множество насекомых. У некоторых тело было покрыто чесоткою и даже злокачественными нарывами. А потому, прежде всего, потребовался чисто физический труд привести воспитанниц

в благообразный вид. Нужно было намазывать им головы мазью, истребляющей насекомых, заставлять горничных расчесывать им спутавшиеся волосы, приучить их к употреблению мыла и зубных щеток, о которых они не имели ни малейшего понятия в своих станицах и форпостах. Труднее было отучить их от употребления непристойных слов и выражений. Религиозно-нравственное их воспитание потребовало особого внимания. Многие из них не только не знали ни одной молитвы, но не умели даже сложить пальцев для крестного знамения» [7, с. 133].

Огромные усилия были предприняты педагогами училища, и первый выпуск, состоявшийся в 1854 г., показал, чего они достигли: «выпускные девицы были одеты в легкие белые платья, и наружность их настолько изменилась к лучшему, что в них нельзя было узнать прежних грубых оренбургских и уральских казачек. Они умели поддерживать салонный разговор на французском языке, читать французские и немецкие книги, рисовать, играть на рояле, читать стихотворения и т. д. Родители и родственники благодарили со слезами на глазах начальницу и весь учительский персонал за очевидные успехи своих дочерей» [7, с. 138].

Блестящие результаты первого выпуска Оренбургского девичьего училища произвели огромное впечатление на оренбургское общество, и в 1854–1855 учебном году поступивших девушек стало восемьдесят. Следовательно, начиная с середины XIX в., меняется отношение к воспитанию девочек, но прежде всего тех, которые проживали в городах или около них, в отдаленных же от центра местах господствовали старые устои.

Квалификация учителей станичных и поселковых школ была довольно низкой, т. к. в основном они заканчивали те же самые учебные заведения. На рубеже XIX–XX веков из 463 учителей-мужчин и 295 учителей-женщин, работавших в станичных школах, только 138 закончили полный курс различных учебных заведений. Основная масса учителей – 620 человек, или 81,7 %, закончили только начальную школу. В связи с этим необходимо было как-то решить вопрос если не кардинальной переподготовки школьных кадров, то поиска более удачных форм обучения и передачи передового опыта ряда казачьих учителей, начинающих педагогическую карьеру.

Такая форма вскоре была найдена, и 15 мая 1871 г. по инициативе Наказного атамана К.Н. Боборыкина в Оренбурге открылся 1 съезд учителей казачьих школ. В его работе приняли участие инспектор народных училищ Оренбургской губернии г. Кудеевский, знаменитый педагог, методист-словесник и выдающийся исследователь К.Д. Ушинский, петербургский ученый В.И. Водовозов, которым был внесен большой вклад в создание учебно-методической литературы для учащихся и учителей начальных школ. В.И. Водовозов давал образцовые уроки, проводил индивидуальные консультации. «При этом нельзя не указать на весьма сочувственное отношение публики к работе съезда, – отмечалось в одной из корреспонденций в местной газете. – Во время чтения г. Водовозова, с самого начала их и до конца, зала была полна посетителями, высиживавшими все урочное время, положенное для учителей. Постоянными и неутомимыми посетительницами съезда, между прочим, были многие дамы высшего света и посетительницы городских участковых школ, содержимые на средства “Попечительного комитета о бедных”» [8, с. 250].

Учителя на съезде пробовали свои силы, давали «пробные уроки» по предметам школьной программы: русскому языку, арифметике и чтению, которые, как правило, сопровождалось пояснениями и указаниями со стороны руководителей съезда. Кроме того, учителя тренировались в проведении так называемых предметно-наглядных уроков, из содержания которых учащиеся в будущем могли бы извлечь новые и полезные сведения о земле, воде, различных явлениях природы и т. д. «Чтения г. Водовозова о растениях сопровождалось ботаническими экскурсиями, – отмечал безымянный автор в местной газете, – которые, впрочем, были не вполне удачны,

так как вследствие исключительно дождливого лета в нынешнем году трудно было выбрать хороший, не ненастный день» [5, с. 120].

Этот съезд, безусловно, оживил интерес к учительскому труду, освежил взгляды учителей на преподавание школьных предметов, а обмен опытом работы обогатил их педагогическую деятельность различными формами и методами. Так как опыт дал удовлетворительные результаты, то из войсковых сумм с 1872 г. ежегодно стали отпускать на подобные съезды во всех трех военных отделах войска по 3 тысячи рублей [9, с. 43]. В последующие годы съезды стали проводиться все чаще и чаще. В 1873 г. летом в шести разных уездах войска было созвано на съезд 416 учителей и учительниц. Учительские съезды, безусловно, способствовали совершенствованию системы народного образования в Оренбургском крае, а казачья молодежь под пристальным вниманием своих школьных наставников получала знания и навыки, необходимые как для воинской службы на благо Отечества, так и для успешного ведения собственного хозяйства и осознанного участия в общественной жизни войскового сословия.

Библиографический список

1. Школьное образование в Оренбургском казачьем войске за 1819–1895 гг. (Краткий исторический очерк / сост. С.Н. Севастьянов. Оренбург, 1896.
2. Годовова Е.В. Педагогический состав казачьих школ Оренбургского казачьего войска в XIX – начале XX вв. // Проблемы истории Оренбургского края XVIII–XX веков: сб. ст. / отв. ред. Ю.П. Злобин. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2004.
3. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 169. Оп. 1. Д. 15.
4. ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 38(а).
5. Историческая записка об Оренбургском казачьем войске, составленная Советником Войскового Хозяйственного Правления полковником П.И. Авдеевым. Оренбург, 1904.
6. Гончарова Ю.М. Родители и дети в семьях провинциальных горожан середины XIX – начала XX в. // Пятые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 22–23 апреля 2004 г. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2004.
7. Жакмон П.П. Из воспоминаний Оренбургского старожила // Гостинный двор. 1997. № 4.
8. Абрамовский А.П. Первый Оренбургский съезд учителей казачьих школ // Оренбургу – 250 лет: Программа и материалы научной конференции. Оренбург, 1993.
9. Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Во славу государства Российского: Начальное образование и военная подготовка в Оренбургском казачьем войске. Челябинск, 1994.

References

1. School education in the Orenburg Cossack army for the period of 1819–1895 (Brief historical sketch). Comp. by S.N. Sevastjanov. Orenburg, 1896 [in Russian].
2. Godovova E.V. Teaching staff of Cossack schools of Orenburg Cossack army in the XIX – beginning of the XX centuries. *Problemy istorii Orenburgskogo kraia XVIII–XX vekov. Sbornik statei* [Problems of history of Orenburg region of XVIII–XX centuries. Collection of articles]. Yu.P. Zlobin (ed.). Orenburg, Izd-vo OGPU, 2004 [in Russian].
3. State Archive of the Orenburg Region (SAOR). F. 169. Op. 1. D. 15 [in Russian].
4. SAOR. F. 37. Op. 3. D. 38 (a) [in Russian].
5. Historical note about the Orenburg Cossack army, made by the Adviser of Army Economic Board, colonel I.P. Avdeev. Orenburg, 1904 [in Russian].
6. Goncharov Yu.M. Parents and children in the families of provincial townspeople of the middle XIX – beginning XX century. *Piatye Tatischevskie chteniia. Tezisy dokladov i soobshchenii. Ekaterinburg, 22 – 23 aprilia 2004 g* [Fifth Tatischev readings. Abstracts of Papers and Messages. Ekaterinburg, 22– 23 April, 2004]. Ekaterinburg: IiA UrO RAN, 2004 [in Russian].

7. Jackmon P.P. From memoirs of Orenburg old resident. *Gostinyi dvor*, 1997, no. 4 [in Russian].
8. Abramovskii A.P. First Orenburg congress of teachers of Cossack schools. *Orenburgu – 250 let: Programma i materialy nauchnoi konferentsii* [Orenburg – 250 years: Program and materials of scientific conference]. Orenburg, 1993 [in Russian].
9. Abramovskii A.P., Kobzov V.S. In the glory of Russian state: Elementary education and military preparation in Orenburg Cossack army. Chelyabinsk, 1994 [in Russian].

*E.V. Godovova**

**ATTITUDE TO SCHOOLING IN THE COSSACK ENVIRONMENT
IN THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH CENTURY
(ON THE EXAMPLE OF ORENBURG COSSACKS)**

In the article such aspect of everyday life of Orenburg Cossacks as schooling is presented. The author notes that despite the increase of number of schools in the second half of the nineteenth century the attitude of Orenburg Cossacks to school, teachers, to scientific knowledge was twofold: one has seen a benefit in it, others have noticed encumbrance and burden. The author describes the process of training and education in the Cossacks environment from the gender point of view. The girls' desire to go to school was very often suppressed by parents, especially by mothers, for whom the daughter has been the main domestic assistant.

Key words: Orenburg Cossacks, everyday life, education and upbringing in the Orenburg Cossack Army.

* *Godovova Elena Viktorovna* (godovova@mail.ru), Department of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation; Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Orenburg branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg, 460000, Russian Federation.